

Жалко, Пушкин и другие классики иже с ним не дожили до этих дней.

Теперь настоящим русским писателем может стать домохозяйка, запойный дворник, водитель-дальнобойщик, студент, бизнесмен... Да кто угодно. Это достаточно просто и не требует особых усилий и времени. Вот уж действительно, как в свое время – на взлете «литературной «жести про жысть» – подметил эту симптоматику редактор «Книжного обозрения» Александр Гаврилов: «Сегодня человек, знающий тридцать три русские буквы, будет издан».

СУШИ И НЕМНОГО ТОШНО

Один из лучших психологических романов Франсуазы Саган, которым мы зачитывались в юности, «Немного солнца в холодной воде». Помните, юная Натали в сражении чувств любви, самопожертвования и эгоизма... Это, как говорят на своем птичьем языке сегодняшние молодые, «здорово вставляло». Теперь пришли иные – «гламурные» – времена. В рукописи одной из литераторш местного разлива встретил замечательную детальку. Главная героиня, находясь в томлении духа, объясняет своему мачо причину хандры: «Дело не в тебе, с вчерашним суши в «Япона маме» что-то не в порядке, меня слегка знобит и подташнивает. Может, с «Хенесси» мешать не стоило?..» Это, конечно, так, слабый отголосок столичных наигрышей Оксаны Робски, Лены Лениной и их сегодняшних клонов. Об этом и поговорим подробнее.

Попытки развести литературу «под литеры «М»

и «Ж», как выразилась в свое время критик Н. Иванова, часто вызывают резкое несогласие. Действительно, это разделение не универсально, оно совсем не исключает деления на плохую и хорошую литературу и т. д. и т. п. Но если мы признаем гендерную разницу между мужчиной и женщиной, то, вероятно, нужно признать и то, что самопознание, самовыражение женщины в слове, ее взглядах на мир и на себя в мире в чем-то, (а может, и существенно) отличается от мужского. Эта мысль и стала мерилom моих непричесанных рассуждений об авторах «литературного гламура». Под глянцевыми обложками здесь обитают уважаемые мужчины за рулем «мазератти» и роскошные женщины, для которых 700 рублей – это не два килограмма мяса на краснодарском рынке, а чашка кофе в модной кофейне или вейп-баре.

Красиво жить, понятно, не запретишь... Есть, правда, нюансы. Вопрос в том, как этот мир понимать. Чувствовать жизнь – это, скорее всего, все же понимать время, главное в нем; видеть то, что отличает нынешнее от прошедшего, не только в делах, но и в мыслях, настроениях, движениях души. И тут как не вспомнить известное высказывание Льва Толстого о том, что «женщина острее мужчины воспринимает правду и ложь – может потому, что стоит ближе к ним». Ну и?

Остановимся прежде всего на том, что героями т. н. гламурной (т. е. рассказывающей о шике и роскоши) литературы становятся исключительно те, кто крутится на орбите дорогущих тусовок бомонда, а читают с придыханием сию эпохалку те, кто пускает голодную слюну, в мечтах окунаясь в сладкоголосую мелодию жизни этого олигархического олимпа, в реале же сидя в коммунальной комнатухе под рык унитаза в общественном сортире.

Родоначальником этого жанра принято считать быстро позабытую нами Оксану Робски, состоятельную экс-жену олигарха с домиком на Рублево-Успенском шоссе. Если помните, практически

залпом она выпустила в свет аж три симптоматичных опуса — «Casual», «День счастья — завтра», «Про любов/он».

Анализировать всерьез перипетии сюжетов этих т. н. литпроизведений бессмысленно. При чем оговоримся сразу — оценочным рассуждениям этим совершенно чуждо томление зависти типа: «Почему это есть у тебя, а не у меня». Меня, например, совершенно не раздражает, что одна из героинь «Casual» (альтер-эго автора?) злится на бывшего мужа: «Пожил бы он сам на две тысячи долларов, которые мне дает!» При образе жизни персонажей повествования «за красивую жысть» двух тысяч баксов действительно хватит от силы на пару дней. Не раздражает даже описание странных развлечений нуворишей, когда на «пати» в модном кабаке они в шутку покрывают пуделя черной обувной спрей-краской «Саламандра». А бедную псину хозяйка выкрасила за полчаса до этого в сиреневый цвет в тон платью... Меня раздражает другое. Когда этот гламурный планктон устами не менее гламурного автора начинает философски дискутировать о перфомансе современного жизнеустройства!..

Что это? Новый литературный пафос или, как говорил Александр Блок, «завитки вокруг пустоты»? Скорее второе. Синдром рублевских дамочек, от скуки возомнивших себя переделкинскими писательницами. В результате это привело к созданию на родине богатой культурными традициями русской литературы русскоязычного чтива, лишённого всякого логического смысла, в котором слово практически низведено до роли уже не музыкального звука, а звенящей побрякушки.

Ну, это все производится в импотентной духом Москве и ее окрестностях!.. — отрешенно вздохнет бегущий от ощущений душевного дискомфорта «эстет» в родных южнороссийских палестинах. Отнюдь, голубчик! Вспомним упоминавшуюся вначале нашего разговора литераторшу, героиню которой смело экспериментировала с суши и коньяком в сочинском кабаке «Япона мама». Но это так, примерка под портрет. Есть же у нас и свои лены ленины, да и оксаны робски найдутся!

Остановимся на наиболее заметном сегодня имени в этой кубанской генерации. Наталья Тованчева. Начинала будущий писатель корреспондентом в университетской газете с симптоматич-

ным именем «По заветам Ленина», потом работала в пресс-службе администрации края уже по заветам тогдашнего губернатора Николая Егорова, потом газетный корреспондент с головой окунулась в реформирование кубанского телевидения и даже возглавила ГТРК «Кубань». Логично, естественно, было столь многосторонней в творческом плане личности, подбираясь к 60-летнему юбилею, взбороздить и литературную ниву.

В своих интервью Наталья Тованчева позиционирует себя социально активной личностью, живущей под девизом ответственности за завтрашний день Кубани и России. О чем же ведут разговор с читателем ее литературные герои? Для этого раскроем — наугад — ее сборник прозы «Очень всякая жизнь», изданный в 2015 году в Санкт-Петербурге. Издание солидное — более 270 страниц, на которых получили вид на жительство 37 рассказов.

Незамысловат и традиционен сюжет рассказа «Берлускони». Он (успешный бизнесмен Виктор, рвущийся еще и в депутаты — у автора все герои рассказов непростые, а «понтовые», как говорит один мой знакомый станичник) изменяет Ей со своей секретаршей. Она из-за переизбытка чувств вначале даже чабаттой (это, если кто не знает, хлеб такой итальянский) в ресторане чуть не подавилась. Потом справилась, собралась с женскими силами и дала отповедь мужу: «— А у тебя что, роман с секретаршей? Ну ты молодец, еще в форме! Прямо вылитый Берлускони — тот вон в семьдесят семь по девчонкам бегаёт!

И с удовольствием увидела, как закашлялся подавившийся бутербродом муж...»

Все. Занавес. Вот от души завидую поэту Юрию Гречко (мужу подруги нашего автора еще по газете «По заветам Ленина»), который в своей рецензии на книгу прозы Натальи Тованчевой усмотрел потаенные внутренние смыслы: «Вот она, жизнь, вернее ее поспешный конспект, ее краткая констатация, под грустной и детальной точностью которой подписался бы едва ли не каждый второй из людей нашего круга». Томлюсь в будоражащих душу догадках — то ли круг знакомых у меня другой, то ли интеллекта не хватает дотянуться до такого глубинного постижения реалий современной жизни...

Если же серьезно, проблема тиражирования т. н. «гламурных писательниц» и их опусов не столь анекдотична и безобидна.

Что парадоксально (или уже нет?) – в это трафаретное пространство легко вписываются толпы появившихся из литературного небытия «региональных клонов». Провинциальная особинка лишь в одном – не все они имеют богатых покровителей или административный ресурс, чтобы двигать свои эпохальные произведения в массы. И тогда эти латентно раненные «литературным даром» парикмахеры, учительницы начальных классов и водители трамваев продают дачи и доставшиеся в наследство бабушкины квартиры, дабы издать свои опусы. Чуть не написал – никому не нужные опусы, но осекся. Дело в реальности сложнее – у них найдутся читатели.

Что же заставляет людей голосовать рублем за «литературу для блондинок»? Это, в принципе, не ново для России. Помните рассказ Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил»? Голодные генералы читают газету с рассказами о том, что подавали на обед в питерских семействах, и их сознание кружит от названий вкусных блюд... То же происходит и с невзыскательным нашим читателем. Порочность же ситуации в том, что, давая в своих сердцах «зеленый свет» такой недолитературе, окончательно будут размыты национальные и культурные приоритеты в нашем сознании. А когда зададимся вопросом «почему?», ответ будет только один: потому что в духе растущей демократии и свободы слова популяризировали книги авторов, которые невозможно читать даже мало-мальски просвещенному человеку и которые пестуют равнодушие к святыням нравственности.

ДРЕСС-КОД ДЛЯ ЦИНИЧНЫХ РОМАНТИКОВ

«Кажется, одним из главных трендов этого года является борьба с гламуром. Причем с гламуром начинает бороться сам гламур», – писали в свое время столичные критики о книге Сергея Минаева «Duxless». Гламурное чтиво все же

начало приедаться, как манная каша в детском саду, и... тут же начало воспроизводить себя в застывших формах. Ничего парадоксального – антигламур появился в пику эпигонам. Просто захотелось поперчить это кремовое пирожное. А как же Литература? Она, благодаря интенциям «антигламурной» психоделики, продолжает путь соизмерения себя не с вечностью, а с продуктами собственного распада.

«Сергею Минаеву посчастливилось стать локомотивом новой духовности отрицания общества потребления», – прочитал еще в одной рецензии в модном глянцево-м журнале. Ну что же, практически «человек и пароход»! Отрицая общество потребления, удачливый, по собственному признанию, бизнесмен Минаев наносит своей книгой «Duxless» (гибрид русского и английского «duxless» был призван, видимо, «перекрасить» уже существующее понятие «бездуховность» на новомодный манер) решительный удар по «эстетике продажного общества», столь любимого Робски, Лениной и прочими ленами местного разлива. Но, живя по законам этого самого «продажного общества», С. Минаев, к слову, использует его возможности на всю катушку. Человек медийный, он четко ориентируется в мире, где имидж считается ценным товаром. Его вчерашний телепроект на НТВ «Честный понедельник» с покровительственно-декларативной начинкой и менторским приветствием «Добрый вечер, страна!..» один чего стоил... Да и нынешний «Большинство» из той же обоймы. Гуру, как есть гуру.

Впрочем, проблема рассмотрения социальной мимикрии – это все же «из другой оперы», вернемся лучше к нашим литературным терниям.

Итак, если говорить кратко, буревестник российского антигламура «Duxless» представляет читательскому взору описание будней московского менеджера-тусовщика, внезапно задумавшегося о смысле жизни. Горькое осознание собственной бездуховности (равно как и бездуховности окружающего мира) в промежутках между неумеренным пьянством и умеренным развратом острой занозой вонзается в его растрепанную от противоречий душу. Видимо, литература «нового бичующего реализма», в по-

нимании автора, есть некое подобие душевного стриптиза. Но что дозволено Дидро, не дозволено Минаеву. На поверку оказывается, король-то голый!

Поколение погрязших в бездуховности представлено в романе более чем своеобразно: главный герой пребывает дни и ночи в алкогольном мареве глюков, фантастическим образом умудряясь при этом зарабатывать немалые деньги. Таким волшебным и полным халявы мир бизнеса воспринимать могут лишь гламурные барышни. То есть те, с кем борется своим пламенным словом автор «Dухless». А на фоне пресыщенности пустой жизнью желание героя просочиться еще повыше по иерархической лестнице «прогнившего общества» выглядит совсем уж нелогично. Так и хочется его спросить: а как же атмосфера порочности и аморальности — не мешает?! Получается, бездуховность — зло, но все равно хочется кусочек пожирнее урвать? Посему, изначально заявленный крестовый поход против бездуховности с треском провалился: антиглянцевость романа обернулась зашедшей с черного входа гламурностью.

Вслед за первенцем С. Минаев быстро разрешается литературными родами новых эпохалок антигламура — романов «The Телки», «Media Sapiens» и сборника рассказов «Время героев». Их сюжеты специально анализировать смысла нет — все те же и все там же. Герои меняются разве что по гендерному признаку и в деталях социальной косметики. На их появление оргкомитет литературной антипремии «Полный абзац» отреагировал следующим образом: «Впервые мы вручали гран-при человеку, чьи романы достойны обладать статуэтками по всем номинациям. Книги наводнены грамматическими, пунктуационными и фактическими ошибками. И, кроме того, это худший перевод Фредерика Бегбедера (автора романа «Романтический эгоист». — Г. С.) на русский язык».

Воистину — сон разума порождает писателей!.. Вслед за минаевскими опусами восстали к жизни другие «хиты продаж» — книжка Эдуарда Багирова «Гастарбайтер» и книжки Дмитрия Глуховского «Метро 2033» и «Сумерки». А потом... тьмы их и тьмы, и несть им числа.

У нас на Кубани, безусловно, плодородная земля «быстрых разумом ньютонов» тоже поро-

дила. Они не столь раскручены, как Н. Тованчева — как-то не заладилось у мужиков! — но зато их много.

Конечно, наше общество не без изъянов (поспешу оградить себя от обвинения в слепоте): паутина коррупции; безбашенность криминалита; проституция, воспринимаемая как стиль жизни; неприглядный быт люмпенизированного населения — все это реалии сегодняшней России. И что характерно, появились эти социальные метастазы не сейчас, сейчас это стало просто модной, читабельной, как теперь говорят, темой. Поэтому отнюдь не зовя к приукрашательству (пусть этим занимаются политтехнологи и пиарщики), призываю к объективности. Когда литератор начинает не творить, а имитировать (описывая торопливо вид из полузашторенного окна и думая при этом, что чувствует и отображает горизонты современности), тогда и появляется обличительная псевдоправда, называемая еще литературным браком.

Несколько штрихов в создании кубанского натюрморта в тонах антигламура. Не столь давно на перекрестках судьбы литературного редактора повстречался мне автор, создавший толстенный роман с симптоматичным названием «Суки. Падлы. Сволочи». Как, пожалуй, сказали бы герои этого многостраничного повествования: «Фрайерок неумелый за жизнь на киче решил написать». Из того, что запомнилось, — только трудолюбие человека, который, несмотря на нескладуху сюжета, накропал такое количество страниц текста. Попытка объяснить это автору не увенчалась успехом. Узнав, что меня смущает не только слово «падлы» в заголовке, он ушел искать другого литературного редактора. Еще один певец антигламура, имя которого не сохранила история, принес рукопись, высокое социальное звучание которой было связано с борьбой с подростковой наркоманией. Главный герой — пятнадцатилетний Виктор, некогда благополучный сын благополучных родителей, сузил свой мир до существования от инъекции до инъекции наркотического зелья. Сюжетные коллизии, понятно, истерты до блеска, как ступени часто посещаемого продмага. Правда, кульминация несомненно оригинальна: Виктора находят на парковой скамейке в бессознательном состоянии, а «вокруг бедолаги валялись, как стреляные

пулеметные гильзы, использованные ампулы»... Уми, лучше образа не создашь. Одна беда — расстояние между ним и реальностью длиннее, чем между Землей и Марсом. На это замечание несостоявшийся инженер человеческих душ с прищуром опытного сексота спросил: «Откуда вам это известно? Вы что, наркоман?..» И наши пути разошлись навсегда.

...«И какие же они все шалуны!» — журил с максимальной терпимостью сей порок графомании в свое время Чаадаев.

БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК?

(Вместо заключения)

Мне приходилось (и приходится!) читать разные книги, плодимые в невероятном числе современными литературными кроликами — с претензией на художественность, историзм, сентиментальный роман и детектив. Некоторые из них по прочтении всего пары страниц хочется метнуть куда-нибудь далеко-далеко и желательно попасть этим «снарядом» в автора, другие просто не оставляют следа в душе, ну, может быть, кроме ощущения зря потраченного времени. Объединяет их, пожалуй, одно — эти книги, как сказал Карл Вебер, входят в ту самую категорию книг, которые не стоят того, чтобы читать их дважды, не стоят и того, чтобы читать их один раз.

«Ну, не нравится и не читай!..» — воскликнет уязвленный в лучших чувствах неомастер от литературщины. Оно бы, конечно, и так. Но как тут не вспомнить крылатую фразу С. Маршака: «Критика необходима, как необходим фонарь, освещающий улицу. Без нее возможны уличные происшествия».

...Несомненный плюс, что Литература — это организм, способный к самоочищению от скверны. Так было всегда. Правда, интоксикация проходит не сразу и не вдруг. Для лечения нужно поставить диагноз. Я думаю, он заключается в прогрессирующей неспособности угадать судьбу публикуемой книги. Ни со стороны автора, ни со стороны издателя, ни со стороны читателя.

Как-то в интервью генерального директора издательства «Наука» прочитал, что нынче никто уже не занимается изданием книг, все занимаются тиражированием рукописей. Убойная кон-

статация. То есть процесс, который должен происходить с текстом в издательстве, — редакция, работа с автором в рамках доведения рукописи до удобочитаемого вида — отсутствует. «Строчи, Вася, пипл схавает все!..» И «Вася» (пишущие от скуки свои слащавые опусы рублевские дамочки и их brutальные антагонисты-«антигламурщики»; доморожденные детективщики под Картера Брауна и авторы фэнтези под Пола Андерсона) строчит. Ради гонорара и иллюзорной славы. А «пипл хаваает». В итоге большого пути нет уже смысла стенать, почему новое поколение, кроме междометий «ух ты!» и «ах ты!», для выражения своих мыслей других слов не знает и знать не хочет...

Итак, диагноз поставлен. Что же до лечения, то оно без вариантов предполагает включенность и качество нашего самосознания. Не будет спроса на литературный эрзац, тогда и атакующее предложение ослабнет в момент, на полуслове. И чем быстрее это произойдет, тем лучше. ■